

Научная статья

УДК 82.0

DOI 10.17223/18137083/91/10

Об одной из форм автокоммуникации в русской поэзии

Олег Николаевич Владимиров

Кузбасский гуманитарно-педагогический институт
Кемеровского государственного университета
Новокузнецк, Россия

vladi-oleg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9785-9513>

Аннотация

Статья посвящена стихотворениям русских поэтов о своих цитируемых или называемых стихах как одной из форм субъектной организации в лирике. Обобщаются и анализируются случаи переосмысления, уточнения или подтверждения авторами их жизненных и творческих позиций, выраженных в репрезентативных стихах. Сравнение с разными видами самоцитирования и самоповторения позволяет утверждать, что известные стихи поэта, воспроизведенные им в новом стихотворении, являются сюжетообразующими, а не автореминисценциями. Выявляется многовариантность этого вида лирического высказывания, которая свидетельствует об обогащении субъектной и временной организации стихотворения, а также о расширении и усложнении диалогических возможностей двуединства «я нынешний – я прежний» (новый текст – текст-прототип).

Ключевые слова

русская поэзия, автокоммуникация, субъектная организация, диалог, автореминисценция, автопародия

Для цитирования

Владимиров О. Н. Об одной из форм автокоммуникации в русской поэзии // Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 114–127. DOI 10.17223/18137083/91/10

On a form of auto-communication in Russian poetry

Oleg N. Vladimirov

Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute
of Kemerovo State University
Novokuznetsk, Russian Federation

vladi-oleg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9785-9513>

Abstract

This study analyzes the self-referential nature of Russian lyric poetry, focusing on instances where poets explicitly address their own works. The inherent representativeness of the initial

© Владимиров О. Н., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 114–127

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2, pp. 114–127

works within each pair ultimately prompt their authors to reconsider, refine, or validate the biographical and artistic perspectives conveyed therein. The analysis encompasses notable works such as “Zhdi menya” (“Wait for me”) by K. Simonov, “Loshadi v okeane” (“Horses in the ocean”) and “Fiziki i liriki” (“Physicists and lyricists”) by B. Slutsky, “Kogda my byli molodye...” (“When we were young...”) by Yu. Moritz, “Okhota na volkov” (“Hunting for wolves”) by V. Vysotsky, and others. The celebrated poems, reintroduced within the new composition, function as integral plot devices, exceeding simple auto-reminiscence. The study also examines the transitional cases between repeated elements (variants, “doublets,” and motifs) and the actual poems of poets about their verses. The study reveals the versatility of poems about one’s own poems, including self-parody, reference to the former poems by the poet’s representative, reference to a third participant in the subject situation, and others. These forms indicate the increasing poetic possibilities in the ratio of the subjective and temporal organization of a lyrical poem, the expansion and complication of the dialogical possibilities of the duality “I am the present – I am the former” (a new text – a prototype text). It is stated that in parallel with other forms of discourse, the use of self-quotation in poetry enriches the semantic field and contributes to the expression of different value relations to the world.

Keywords

Russian poetry, auto-communication, subjective organization, dialogue, auto-reminiscence, self-parody

For citation

Vladimirov O. N. On a form of auto-communication in Russian poetry. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2, pp. 114–127. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/91/10

Расширение и усложнение нарративной сферы в поэзии XX–XXI вв. не ограничены такими формами, как «неосинкретический субъект» (С. Н. Бройтман), или «лирическая полисубъектность» (В. Е. Хализев), ролевая лирика с разными ее видами, инфинитивное письмо, сфрагида и др. Особую форму высказывания представляют стихотворения поэта (лирического субъекта) о его прежде написанных и часто авторепрезентативных стихах, здесь же цитируемых или называемых.

Ранние стихи (отдельные строки, заглавия) могут входить в основной текст (начинать его) или являться эпиграфом к нему, в любом случае произведение построено на диалоге лирического «я» с собой как «другим» (со своим прежним отношением к миру и самому себе, к собственному творчеству и т. п.).

Как и в случаях с другими формами высказывания, возникают вопросы о причинах распространения этого явления, о его отношении к другим литературоведческим понятиям (вторичной условности, пародии, особенно к автореминисценции), его типологии. Обогащение субъектной сферы в русской лирике этого времени объяснимо «игрой на границе между вымыслом и реальностью» [Руднев, 1997, с. 238], напряженными поисками границ между текстом и реальностью как «фундаментальной культурной коллизией XX века» [Там же, с. 6]. Другим, параллельным, процессом является интенсификация в литературе рубежа XIX–XX и XXI в. перехода от эйдетической («классической») поэтики к поэтике художественной модальности («неклассической»), проявившейся и в лирике, в ее субъектной организации (см.: [Бройтман, 2004, с. 253–258]).

Взгляд из настоящего в прошлое в этих произведениях не только способствует сопряжению времен, как это свойственно, например, элегии. Соотношение теперешнего сознания героя с прежней его позицией стирает границу между «я»-поэтом и лирическим «я», как и границу между художественным и реальным временем. «Я» в таких произведениях, оказываясь транспозицией настоящего автора, более открыто, чем лирическое «я» или лирический герой, стоит между читателем

и изображенным миром. Границы между автором и его представителем, между реальностью и вымыслом размываются; поэт оказывается одновременно внутри и вне творимого им мира. В подобных случаях наблюдается двойной парадокс нераздельности-неслиянности, как в сфрагиде, – не только автора и героя (см: [Владимиров, 2009, с. 66–67]), но и времени эмпирического и поэтического. С точки зрения художественной условности статус второго произведения в таких стихотворных связках – обнажение приема как форма вторичной условности. В терминологии Ж. Женетта проницаемость субъектных и временных границ во втором стихотворении этой пары может быть обозначена как нарративный металепсис [Женетт, 1998, с. 245]. Диалог двух стихотворений является формой автокоммуникации, если говорить об упомянутых, но не рассмотренных Ю. М. Лотманом ситуациях: «Когда мы говорим о передаче сообщения по системе “Я – Я”, мы имеем в виду в первую очередь не те случаи, когда текст выполняет мнемоническую функцию. Здесь воспринимающее второе “Я” функционально приравнивается к третьему лицу. Различие сводится лишь к тому, что в системе “Я – ОН” информация перемещается в пространстве, а в системе “Я – Я” – во времени». Ученого же «прежде всего <...> интересует случай, когда передача информации от “Я” к “Я” не сопровождается разрывом во времени и выполняет не мнемоническую, а <...> иную культурную функцию»: «обращение человека к самому себе», например чтение «своего стихотворения напечатанным», своих «дневниковых записей» [Лотман, 1992, с. 76–77].

В ряду этих условных микроциклов как наиболее известные, благодаря первым в них произведениям, можно назвать стихотворения «Если я заболею...» (1940) и «Я на всю честную Русь...» (1945) Я. Смелякова, «Жди меня, и я вернусь» (1941) и «Товарищу То Хыу, который перевёл “Жди меня”» (из цикла «Вьетнам, зима семидесятого») (1971) К. Симонова, «Лошади в океане» (1950) и «Про меня вспоминают и сразу же – про лошадей...» (1972) Б. Слуцкого, его же «Физики и лирики» (1959) и «Лирики и физики» (1978), «Фонарики» («Когда качаются фонарики ночные...») (1953) и «Ода смерти» Г. Горбовского (2011), «Добро должно быть с кулаками...» (1959) и «Постой. Неужто? Правда ли должно?» (1965) С. Куняева, «Облака» (1962) и «После вечеринки» (1970) А. Галича, «Когда мы были молодые...» (1965) и «Послание» (2004) Ю. Мориц, «Союз друзей (Старинная студенческая песня)» (1967) и «Взяться за руки не я ли призывал вас, господа?» (1988) Б. Окуджавы. К своему известному произведению поэт может обращаться не однажды – как, например, М. Исаковский к «Катюше» (1938) в стихотворениях «Песня про “Катюшу”» (1944) и «И. Н. Розанову, собравшему около 100 вариантов (переделок) песни “Катюша”» (1945) или В. Высоцкий к «Охоте на волков» (1968) в стихотворениях «Прошла пора вступлений и прелюдий» (1972) и «Охота с вертолетов (Конец охоты на волков)» (1978).

Первые стихотворения в этих связках получили или общественный отклик, или известность благодаря их музыкальным воплощениям, в отдельных случаях стали восприниматься как фольклорные. Широкое распространение афористически звучащих строк из этих стихотворений нашло подтверждение в книге «Крылатые слова» Н. С. Ашукина и М. Г. Ашукиной [1988, с. 361–362, 419, 433, 459], в «Словаре современных цитат» К. В. Душенко [1997, с. 97, 185, 263, 324, 328, 329], в электронных изданиях, например в «Энциклопедическом словаре крылатых слов и выражений» В. В. Серова [2005]. Подобное восприятие со временем вызвало у их авторов необходимость переосмыслить, уточнить или подтвердить выраженные в этих стихах жизненные и творческие позиции. «Собственное по-

этическое творчество объективируется и становится литературным фактом, столь же пригодным материалом для использования и переключек, как и чужой текст», – отмечает А. Кушнер, имея в виду не случаи, рассматриваемые здесь, а «самоцитирование и самоповторение» вообще [Кушнер, 1991, с. 90–91]. Так появились вторые стихотворения, своеобразные поэтические постскрипты к первым.

Хронологически первыми из найденных пар таких стихотворений (и редких в поэзии до XX в.) являются притчи А. Сумарокова «Коршун в павлиньих перьях» (<1760>) и «Коршун» (<октябрь – ноябрь 1760>). Вторая из них посвящена защите слова «жеребо» и рифмы «жеребо – небо», примененных в первой притче в описании внешности Коршуна («И туловище всё, всё гордостью жеребо...») и вызвавших критику. Кроме уже отмеченных общих особенностей, присущих подобным произведениям, здесь интересно раздвижение жанровых границ «Коршуна». Авторская рефлексия в нем позволяет считать его не столько «притчей» («<...> но к притче приступлю» (Сумароков, 1957, с. 210)), являющейся эпическим произведением, сколько лирическим стихотворением. От преобладающей повествовательности первой притчи автор переходит к высказыванию от лица лирического «я».

Близкими к этой форме высказывания являются распространенные в поэзии XIX–XX вв. случаи возвращения поэта к известным своим образам, автореминисценции. Заметно, что часто знаковыми, автореминисцентными являются образы вещей: на них спроецированы авторские размышления о верности жизненным и творческим идеалам. Таковы стихи Д. Веневитинова «Завещание» (<1826>) и «К моему перстню» (<1827>) с созвучными строками «Внимайте: чтоб сего кольца / С руки холодной не снимали: / Пусть с ним умрут мои печали / И будут с ним схоронены» (Веневитинов, 1956, с. 60) и «Когда же я в час смерти буду / Прощаться с тем, что здесь люблю, / Тебя в прощанье не забуду: / Тогда я друга умолю, / Чтоб он с моей руки холодной / Тебя, мой перстень, не снимал, / Чтоб нас и гроб не разлучал» (Веневитинов, 1956, с. 63).

«Пора стихами заговориться...» (1867 – ?) и «Жизнь наша в старости – изношенный халат...» (между 1875 и 1877) П. Вяземского напоминают о знаменитом «Прощании с халатом» (1817). Стихи «Мне не нравится мой силуэт...» (1989) Б. Окуджавы заставляют вспомнить несколько его «песенок», в первую очередь – «Старый пиджак» (1960), а «Заезжий музыкант» («Вариация на тему “Чудесного вальса”») (1972) – «Чудесный вальс» («Лесной вальс») (1961). Эти музыкальные образы, вероятно, повлияли на стихи В. Долиной «Я выбрал самый звонкий барабан...» (1975) и «Барабан мой, ты мое прошлое...» (1978).

Стихотворения П. Вяземского «Ещё дорожная дума» («Колокольчик, заматайся...») (1832) и «Ещё дорожная дума» («Опять я на большой дороге...») (1841) своими заглавиями отсылают к «Дорожной думе», начинающейся строкой «Колокольчик однозвучный...» (<1831>). Наречие «ещё» в названиях, как правило, означает другое стихотворение того же поэта на тему первого его стихотворения (ср. эти заглавия с омонимичными: Вяземский, как известно, сочинил «Ещё тройку» (1832 или 1834) под влиянием стихов Ф. Глинки «Тройка» («Вот мчится тройка удалая...») и А. Пушкина «Бесы»; «Ещё майская ночь» <1857> А. Фета написана раньше его же «Майской ночи» <1870>, здесь, вероятно, имеется в виду продолжение майских ночей, «ещё» употреблено в значении «до сих пор, пока»).

В этом ряду – «дублиеты» Ф. Тютчева (термин Л. В. Пумпянского, так назвавшего многочисленные тютчевские повторения [Пумпянский, 1928, с. 9]). Нельзя

не назвать здесь и распространенные у Мандельштама «двойчатки», «тройчатки», «гнёзда» (см. об этом: [Гаспаров, 2001]).

То же следует сказать о сенилиях И. Тургенева «Дрозд I» и «Дрозд II», о стихах В. Соловьёва «Белые колокольчики» (1899) и «Вновь белые колокольчики» (1900), о цикле из трех стихотворений «Лилии» в сборнике «Тихие песни» И. Анненского и стихотворении «Ещё лилии», не вошедшем в его книги, его же «Первом фортепянном сонете» и «Втором фортепянном сонете»; начальное стихотворение в «Лилиях» – «Второй мучительный сонет», как и «Третий мучительный сонет» (оба – в «Тихих песнях»), – напоминает о «Мучительном сонете» в «Трилистнике призрачном» (в сборнике «Кипарисовый ларец»); о «Тревожном отступлении» (1970) и «Втором тревожном отступлении» (1970) Ю. Левитанского, о «Чарде 1» (1985) и «Чарде 2» (1987) Д. Сухарева, о «Венецианских строфах (1)» (1982) и «Венецианских строфах (2)» (1982) И. Бродского, о его же «Кентаврах» (I, II, III, IV) (1988), об «Улёте 1» (1997) и «Улёте 2» (1997) А. Вознесенского и др.

В приведенных примерах на связь двух стихотворений поэта с отсылкой к первому из них указывают повторяющиеся заглавия с уточнениями «ещё», «вновь», «вариация на тему», «возвращение» или с их аналогами – порядковыми числительными (номераами). Это переходный случай между различными повторами (автореминисценциями, вариантами, «дублетами») и собственно стихами поэта о своих стихах. На рефлексии о ранее написанном указывают заглавия произведений, а не «основные» их тексты. Порядковая нумерация в таких произведениях является не привычным обозначением их членения на главы, части и т. п., а указанием на связь самостоятельных произведений: предыдущего с последующим или наоборот.

К таким же переходным явлениям можно отнести «Песню о Каховке» (1935) и «Каховку» (1943) М. Светлова. Во втором стихотворении автор прямо цитирует себя: в обеих «Каховках» – едва ли не полное ритмическое единообразие, напоминает о первой двойное обращение к Каховке и внутренняя рифма: «Каховка, Каховка! Ты вновь перед нами – / Родная, святая земля!» (Светлов, 1982, с. 284) – «Каховка, Каховка – родная винтовка...» (Светлов, 1982, с. 242). Сближает обе песни и субъектная организация. «Мы» в первой – и эпическое «мы», красноармейцы, прошедшие «этапы большого пути», и среди них «мы» – «оба» бойца; теперь «мы» (в двух значениях) – участники социалистического строительства, «мирные люди». Скрытого в обращении к «товарищу» лирического представителя автора и его адресата объединяет общее чувство к «девушке нашей»: «Тогда нам обоим сквозь дым улыбались / Ее голубые глаза...». Оба значения этих «мы» в первом стихотворении равноправны, во втором преобладает эпическое «мы», относящееся к участникам боёв за освобождение Украины в Великой Отечественной войне; о втором «мы» напоминает убитая «наша» девушка: «...в сердце любимой / Немецкая пуля вошла». Субъектная структура стихотворений усложнена обращениями (к «горячей пуле», «товарищу» – в первом, к Каховке, Украине, «нашей ярости», «бронепоезду», «товарищам» – во втором). При всём сходстве двух «Каховок» каждая из них вполне самостоятельна, во второй нет размышления о первой и ее оценки, поэтому вторую из них можно лишь условно отнести к стихам поэта о своих стихах. Вместе с тем субъектная многомерность этих и других стихов Светлова (ролевая лирика («В разведке»), сфрагида («Товарищам»), неосинкретический субъект в «Песенке» («Чтоб ты не страдала от пыли

дорожной...») (1932) и др.) – свидетельство открывающихся возможностей диалогической природы сознания в литературе начала – первой половины XX в.

Кроме заглавия, значительна роль других рамочных компонентов (эпиграфа, иногда вместе с датой написания произведения-источника и именем автора; посвящения; даты написания читаемых стихов) в субъектной и временной организации лирического произведения. Эпиграф-автоцитата в таких случаях близок к начальным строкам, воспроизводящим известные стихи поэта и позволяет отнести подобные произведения к вариантам названной субъектной формы. К этому приёму, заслуживающему отдельного рассмотрения, обращались, в частности, К. Бальмонт, В. Брюсов, З. Гиппиус, А. Ахматова, Г. Иванов, И. Одоевцева, Н. Тихонов, П. Васильев, Л. Мартынов, А. Тарковский.

Прежние стихи могут не цитироваться, а называться в авторской – в скобках – отсылке, входящей в основной текст. Этот вариант рассматриваемой субъектной формы представлен стихотворением Э. Багрицкого «Вмешательство поэта» (1929). В нем упоминаются «Папиросный коробок» (1927) и «Весна» (1927): «(Смотри мой “Папиросный коробок”», «(Смотри стихотворение “Весна”» (Багрицкий, 1964, с. 122). Паратекстуальные элементы объясняются здесь жанром стихотворения, обозначенным в подзаголовке и эпиграфе к первоначальной его публикации: «Ответ критике», «Багрицкий – романтик, начавший линиять. Из журнальной статьи» (см. об этом: (Багрицкий, 1964, с. 522)).

Еще один вариант этой субъектной формы – автопародия. Мандельштам на вопрос своего лирического «я» «Дано мне тело – что мне делать с ним, / Таким единым и таким моим?» (начало программных стихов, открывающих первое издание «Камня», 1909) откликнулся строками «Мне дан желудок, что мне делать с ним, / Таким голодным и таким моим? // О радости турецкий кофе пить, / Кого, скажите, мне просить?» (комедия «Кофейня разбитых сердец, или Савонарола в Тавриде» (1917) В. Жирмунского, К. Мочульского, С. Радлова и Мандельштама; под псевдонимом Тиж Д’Аманд в этой комедии выведен автор «Камня») (цит. по: [Тименчик, 2008]). Неслучайна краткость этих стихов: пародируются лишь самые известные начальные строки, а не всё стихотворение. Предельным случаем этого варианта самоцитирования является «Автопародия на несуществующие стихи» («Мы убили комара. Не в бою, не на охоте...») (1982) Б. Окуджавы: самодостаточность произведения отмечена в его заглавии: «...на несуществующие стихи».

Стихи о своих стихах, здесь же цитируемых и осмысляемых, структурно близки к пародии. В них те же три плана, что и в (авто)пародии: читаемый текст, прямо отсылающий к предыдущему произведению с возможным его обыгрыванием, пародия же имитирует узнаваемые черты того или иного авторского стиля; там и здесь третий план, приводящий к смыслу произведения, представляет собой соотношение двух первых. Отмеченная особенность относится и к другим вариантам этой формы высказывания.

Похожие примеры, но не автопародии с их выраженным комическим эффектом, – «Вот мною не написанный рассказ...» (1959) Ю. Левитанского, «Плач по двум нерождённым поэмам» (1965) А. Вознесенского. В «педагогической поэме» «Возвращение из Шилькова в Коньково» Т. Кибирова неопределенная ссылка рассказчика на какие-то стихи из неизвестной книги поэта также не относится к автореминисценции, а тем более – к особой форме высказывания: «Очень много жизни всё ж / мне досталось (см. об этом / в книге “Праздник”» (Кибиров, 2001, с. 327).

В стихотворении «О себе самом», входящем в сборник «Девятая камена» (1917), В. Брюсов обозревает и оценивает свой творческий путь, обозначая его вехи – девять предшествующих книг – и называя этот сборник. Похожий случай – стихотворение Д. Кедрина «Любезный читатель! Вы мрак, вы загадка» (1932), имеющее характер предисловия автора к своему поэтическому сборнику: в нем кратко рассказано о стихах и их героях, с которыми предстоит познакомиться читателю.

К известной притче «Мельник, мальчик и осёл» (1948) С. Маршак возвращается в стихотворении «Я и не думал, что заране...» (1964) благодаря заметке М. Поляновского (в ней журналист рассказал о похожем случае):

Я и не думал, что заране
В своих стихах предугадал
Вот эту сцену, что в Иране
Макс Поляновский наблюдал
(Маршак, 1970, с. 567).

К своим стихам может обращаться не поэт вместе с лирическим представителем, а только последний, и только художественной реальности в этом случае принадлежат его строки. Таким является стихотворение И. Бунина ««Опять холодные седые небеса...»» (1923):

«Опять холодные седые небеса,
Пустынные поля, набитые дороги.
На рыжие ковры похожие леса,
И тройка у крыльца, и слуги на пороге...»

– Ах, старая наивная тетрадь!
Как смел я в те года гневить печалью бога?
Уж больше не писать мне этого «опять»
Перед счастливою осеннею дорогой!
(Бунин, 1967, т. 8, с. 22).

Здесь герой, цитируя свои ранние стихи, сетует на себя молодого, в очередной раз предающегося «печали», и сожалеет об утраченной возможности писать о цикличности времени. Но можно предположить, что первое четверостишие – подлинные строки поэта из неизвестной читателю рукописи («старой наивной тетради»), учитывая их сходство с опубликованными стихами начинающего поэта (ср.: «Пустыня, грусть в степных просторах. / Синеют тучи. Скоро снег. / Леса на дальних косогорах / Как желто-красный лисий мех» (Бунин, 1965, т. 1, с. 65); «И вот опять уж по зарям / В выси, пустынной и привольной...» (Бунин, 1965, т. 1, с. 112), – приводятся начальные строки стихотворений). К этому же приему Бунин прибегнет в «Жизни Арсеньева»: он припишет молодому поэту Алёше Арсеньеву стихи «И вновь, и вновь над вашей головой...» (Бунин, 1966, т. 6, с. 145). Но в этом случае автор и его представитель более далеки друг от друга, чем в стихотворении ««Опять холодные седые небеса <...>»». К тому же неметафорический поэтический стиль молодого Бунина не совпадает с подчеркнuto экспрессивным образным строем стихотворения юного Арсеньева.

Похоже построено стихотворение Т. Кибирова «Для того, чтоб узнать...» (1982–1999). Судя по его второй части, оно начинается автоцитатой, извлеченной из черновиков:

«Для того, чтоб узнать,
что там есть,
за полночным окном,
надо свет потушить.
Потому-то, быть может,
и не видим мы Бога,
а только свое отражение.
Надо всё потушить.
Только стоит ли Он
погруженья во тьму?»

Вот такие вот пошлости
я писал лет семнадцать назад
(Кибиров, 2001, с. 382).

Нераспространенность второй части стихотворения заставляет усомниться в справедливости отношения к первой – строкам «семнадцатилетней» давности, непривычно искренним для зрелого Кибирова. Заключительное двустишие – скорее корректирующее самоиронией остранение завыченных строк.

В «Послании» Ю. Мориц, как и в бунинском стихотворении, диалог разновозрастных сознаний лирических субъектов – это соотношение разных представлений о времени:

«Когда мы были молодые
И чушь прекрасную несли,
Фонтаны били голубые,
И розы красные росли», –

Я сочинила эту прелесть,
Я вам напела этот бред,
Когда ряды ещё не спелись,
И двадцать семь мне было лет.

Да, в двадцать семь дела крутые
Язык способны развязать, –
Когда мы б ы л и молодые
В прошедшем времени сказать!..
<...>

(Мориц, 2006, с. 76).

Эти стихи 2004 г. в книге «Не бывает напрасным прекрасное» (2006) следуют сразу за стихотворениями «Когда мы были молодые...» (1965) и «Хорошо – быть молодым!» (1975). В таком их расположении заметна авторская ориентация на знакомую читателю (стихотворение названо «Послание» и адресовано «друзьям») песню С. Никитина, представляющую собой контаминацию двух ранних стихотворений. Причем второе вошло в песню полностью, а первое – только начальной (она же рефренная) строфой. В самом «Послании» есть намек на эту песню: «...Я вам напела этот бред...». Это дополнительный ресурс размывания границ между художественной условностью и реальностью, как между поэтом и лирическим субъектом, временем изображения и временем изображенным. Причем указание на возраст («...двадцать семь мне было лет») совпадает с реальным возрастом Ю. Мориц, в каком ею были сочинены стихи «Когда мы были молодые...».

«Послание» Мориц сближают со стихами Бунина «“Опять холодные седые небеса...”» не только начальные строфы, в которых ранние строки цитируются как «наивные», «прелестно-бредовые» (ср. с «вот такими пошлостями» у Кибирова). Присущее молодости острое восприятие времени (ощущение повторяемости всего и вся у Бунина, быстротечности времени у Мориц) преодолевается в обоих стихотворениях усилившимся в зрелом возрасте чувством вневременности жизни. Бунинского героя, переживающего «молодую старость», ждет «счастливая осенняя дорога», т. е. встреча с инобытием, в других поздних стихах обозначенная и как «радость воскресения», и как восходящая к Баратынскому «несрочная весна». Героиня Мориц пребывает в семантически близком позднему Бунину метафизическом «возрасте рая, возрасте ада». Стихи «Хорошо – быть молодым!» отозвались и в детском стихотворении «Хорошо быть стариком!» (впервые в книге «Букет котов», 1997).

Стихами о своих стихах являются и такие произведения Ю. Мориц, как «И более того...» (2014), «Дышу глазами в телескоп» (2015), «И – глядь!» (1915).

О своих известных «Облаках» А. Галич вместе с лирическим «я» вспоминает в песне «После вечеринки»: «<...> Скажет хозяйка: – Хотите / Послушать старую запись? – / И мой глуховатый голос / Войдет в незнакомый дом <...> И будет брэнчать гитара, / И будет крутиться плёнка, / И в дальний / путь к Абакану / Отправятся облака...» (Галич, 2006, с. 173). «Облака плывут, облака...» в стихотворении 1962 г. – рефрен и композиционное кольцо вместе с вариативными повторами «Не спеша плывут, как в кино», «Не спеша плывут облака», «Облака плывут в Абакан», «Облака плывут на восход» (Галич, 2006, с. 86–87).

В стихотворении Е. Евтушенко «Поклёпникам» (2013) процитированная строка из песни Э. Колмановского на стихи поэта «Бежит река» («Бежит река, в тумане тает...») сопровождается указанием на эту песню и рифмой «тает – хватает» (в тексте песни «тая – хватает»):

От России вы меня не оторвёте,
потому что весь я – плоть её от плоти,
потому что быть другим я не умею,
и останусь навсегда не кем-то –
ею
ну хоть песней, что летает и не тает:
«Ах, – кавалеров мне вполне хватает...»
(Евтушенко, 2013, с. 6).

К «Охоте на волков», как было отмечено, В. Высоцкий возвращается дважды. В стихотворении «Прошла пора вступлений и прелюдий» («Ответ на песню “Охота на волков”») автор напоминает о себе прежде всего заглавием знаменитого произведения, ставшего популярным у «больших людей». Неоднократное (точное и сокращенное) воспроизведение заглавия передает вызванное этой песней переживание времени и ожидание вполне прогнозируемого будущего в итоговом обобщении:

Ну всё, – теперь, конечно, что-то будет.
Уже три года в день по пять звонков.
Меня к себе зовут большие люди,
Чтоб я им пел «Охоту на волков»
(Высоцкий, 1988, с. 217).

Об этом будущем метафорически сказано в завершающих условный цикл стихах «Охота с вертолетов (Конец охоты на волков)». «Я» здесь, как и в раннем стихотворении, – волк, – возможно, тот, кто «из повиновения вышел» и теперь является вожаком расстреливаемой стаи. «Масочность» ролевой лирики снимается названием, выраженной в нем авторской позицией. Подчеркивающее самостоятельность этих стихов отсутствие кавычек во второй части заглавия не отменяет их аллюзивности по отношению к стихотворению десятилетней давности. К нему, к «началу», к первому в этом цикле стихотворению, его проблематике отсылает и слово «конец». Но «конец» означает и более изощренный способ охоты, не оставляющий волкам шансов на спасение. «Конец» – это и обострившееся авторское понимание трагизма жизни, ее беспощадности к сильному и независимому характеру.

Стихи Д. Сухарева «Осенний марафон» (2000) посвящены В. Берковскому как автору (вместе с С. Никитиным) и исполнителю песни «Ночная дорога» («Нет мудрее и прекрасней средства от тревог...») на стихи Ю. Визбора, «знакомого классика». Стих же «Для того дорога и дана...» – автореминисценция начальной строки из «Дороги» (1965), также положенной на музыку В. Берковским; это ложно-ассоциативная отсылка к стихам Ю. Визбора. В «Осеннем марафоне» развивается та же тема, что и в названных стихотворениях-песнях:

Сколько ж нами спето врозь и вместе
С вешних наших, прежних наших дней!
Песенное дело – дело чести,
Это на дистанции видней.

<...>

И уже отчётливо на трассе
Финишная ленточка видна.
Правильно сказал знакомый классик:
Для того дорога и дана
(Сухарев, 2008, с. 358–359).

Б. Слуцкий (и его «я») в стихотворении «Про меня вспоминают и сразу же – про лошадей...» не просто сожалеет о непонимании глубокого смысла «Лошадей в океане» и об участии других произведений, отличной от знаменитых стихов («Ничего не осталось – ни строк, ни идей / только лошади, тонущие в океане»), но и осознаёт значение своего поэтического призвания, в этом произведении выраженного:

И покуда плывут – вместе с ними и я на плаву:
для забвения нету причины,
но мгновения лишнего не проживу,
когда канут они в пучину
(Слуцкий, 1991, с. 446).

Полемичность «Лириков и физиков» по отношению к «Физикам и лирикам» заявлена уже в названии – перестановкой слов и приоритетов – и продолжена в основном тексте. В «Пользе невнимательности» (1978) Б. Слуцкого подчеркнута заведомое предпочтение лирики перед физикой – и «я» школьником, и «я» многоопытным поэтом. Это произведение продолжает и закрывает тему спора «физиков и лириков», но не является стихами поэта о своих стихах.

В заглавии стихотворения «Товарищу То Хью, который перевёл “Жди меня”» («Я знаю, здесь мои стихи живут...») не только обозначены обращение поэта к его переводчику и диалог оригинала с переводом, но и угадывается перекличка двух произведений К. Симонова – известного и нового. Это предположение подтверждается и троекратным повтором строки «В прекрасном Вашем переводе», напоминающим о трёх стихах «Жди меня, и я вернусь», и другими повторами, в частности «ждут – ждя – не ждут», и побудительной частицей «пусть». Заключительное же четверостишие, не ограничиваясь отсылкой к тексту-источнику, развивает его тему:

Пусть в этот день, когда уже не ждут
С войны людей и – тишина в природе,
Мои стихи, легко вздохнув, умрут
В прекрасном вашем переводе
(Симонов, 1966, с. 296).

На двойном диалоге – «уважаемого писателя» (автора «Василия Тёркина») с «взыскательным читателем» («виды видевшим солдатом») и двух произведений поэта – построено и стихотворение А. Твардовского «Из писем» (1945). В пересказе «делового письмеца» «я» сообщает об отмеченной солдатом «нехватке» в описании одежды Тёркина – сапог. В ответе на вопрос, «не достойна ли» эта «святая обувь» «особой песни в книге про бойца», поэт (его представитель) объясняет:

До конца, должно быть, дней
Я всего того не вспомню,
Что забыл отметить в ней
(Твардовский, 1990, с. 306).

Кроме жанрового подзаголовка поэмы, на нее указывает и имя героя: «Летом ходит в гимнастёрке, / Тут, понятно, рифма: Тёркин», – и рифма «гимнастёрке – Тёркин», встречающаяся в главах «На привале» и «На Днепре». Строка «Тут, понятно, рифма: Тёркин» одновременно является и обнажением приема, прямо указывающего на «Василия Тёркина», и несобственно-прямой речью: она принадлежит то ли солдату, обратившемуся к поэту, то ли поэту, пересказывающему и оценивающему письмо (до этого он напомнил о себе модальной частицей «мол»), и тем самым усложняет субъектную организацию стихотворения.

Эти стихотворения Твардовского и Симонова свидетельствуют о расширении диалогических возможностей рассматриваемой субъектной формы: двуединство «я нынешний – я прежний» (новый текст – текст-прототип) усложняется адресацией к третьему участнику субъектной ситуации (читателю-критику, переводчику).

Рассуждения об этой форме лирической автокоммуникации – стихи поэта (его лирического «я») о своих стихах с их цитированием – имеют предварительный характер и требуют обращения к большему числу текстов. Но и рассмотренные случаи позволяют прийти к следующим выводам.

Как и другие формы высказывания, цитирование собственных стихов в новом произведении обогащает интенциональный спектр лирики, способствует выражению различных ценностных отношений к миру. Многовариантность этой субъектной формы свидетельствует о возрастании поэтических возможностей в соотношении субъектной и временной организации лирического стихотворения,

о расширении и усложнении диалогических возможностей двуединства «я нынешний – я прежний» (новый текст – текст-прототип). Оценочное отношение к своим прежним стихам, к выраженной в них жизненной или творческой позиции предполагает их переосмысление, создание нового произведения. «Меж первым и вторым стихотворением – целая жизнь! и какая жизнь!» – восклицает В. Астафьев, говоря о стихотворениях Я. Смелякова «Если я заболею...» и «Я на всю честную Русь...» [Астафьев, 1988, с. 175]. Поэтому известные стихи поэта, прямо или опосредованно воспроизведенные им в новом стихотворении, являются сюжетообразующими, а не просто автореминисценцией.

Список литературы

- Астафьев В. П.* Зрячий посох: Книга прозы. М.: Современник, 1988. 590 с.
- Аиукин Н. С., Аиукина М. Г.* Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения. 4-е изд., доп. М.: Худож. лит., 1988. 528 с.
- Бройтман С. Н.* Историческая поэтика // Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Академия, 2004. Т. 2. 368 с.
- Владимиров О. Н.* Имя поэта в его стихотворении (на материале русской лирики XX–XXI веков) // Филология и человек. 2009. № 2. С. 64–77.
- Гаспаров М. Л.* «Соломинка»: генезис мандельштамовских «двойчаток» // Гаспаров М. Л. О русской поэзии. СПб., 2001. С. 296–315.
- Душенко К. В.* Словарь современных цитат. М.: Аграф, 1997. 632 с.
- Женетт Ж.* Фигуры: В 2 т. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1998. Т. 2. 469 с.
- Кушнер А. С.* Аполлон в снегу: Заметки на полях. Л.: Сов. писатель, 1991. 512 с.
- Лотман Ю. М.* О двух моделях коммуникации в системе культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. 479 с.
- Пумпянский Л. В.* Поэзия Ф. И. Тютчева // Урания. Тютчевский альманах. 1803–1928. Л.: Прибой, 1928. С. 9–57.
- Руднев В. П.* Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. 384 с.
- Серов В. В.* Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локкид-Пресс, 2005. URL: <http://uchitel-slovesnosti.ru/slovary/15.pdf> (дата обращения 25.09.2024).
- Тименчик Р. Д.* Что вдруг. Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим: Гешарим. М.: Мосты культуры, 2008. URL: <https://www.e-reading.biz/book.php?book=1085368> (дата обращения 25.09.2024).

Список источников

- Багрицкий Э. Г.* Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. Е. П. Любаревой, сост. Е. П. Любаревой и С. А. Коваленко, подгот. текста и примеч. С. А. Коваленко. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. 570 с.
- Бунин И. А.* Собр. соч.: В 9 т. / Под общ. ред. А. С. Мясникова, Б. С. Рюрикова, А. Т. Твардовского. М.: Худож. лит., 1965–1967.
- Веневитинов Д. В.* Избранное. М.: ГИХЛ, 1956. 260 с.
- Высоцкий В. С.* Избранное. М.: Сов. писатель, 1988. 512 с.
- Галич А. А.* Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. В. Бетаки. СПб.: Академический проект, Издательство ДНК, 2006. 384 с.
- Евтушенко Е. А.* Стихи 1913 года // Лит. газета. 2013. № 51–52. С. 6.
- Кибиров Т. Ю.* «Кто куда – а я в Россию...» М.: Время, 2001. 512 с.
- Маршак С. Я.* Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1970. Т. 5. 718 с.

- Мориц Ю. П. Не бывает напрасным прекрасное. М.: Эксмо, 2006. 352 с.
- Светлов М. А. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1982. 624 с.
- Симонов К. М. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1966. 496 с.
- Слуцкий Б. А. Собр. соч.: В 3 т. / Сост., подгот. текста и коммент. Ю. Болдырева. М.: Худож. лит., 1991. Т. 2: Стихотворения. 1961–1972. 574 с.
- Сумароков А. П. Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1957. 607 с.
- Сухарев Д. А. Много чего. М.: Время, 2008. 432 с.
- Твардовский А. Т. Избранные произведения: В 3 т. / Сост. и подгот. текста М. Твардовской; вступ. ст. и примеч. А. Туркова. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1: Стихотворения. 495 с.

References

- Ashukin N. S., Ashukina M. G. *Krylatye slova: Literaturnye tsitaty; Obraznye vyrazheniya* [Winged words: Literary quotations; Figurative expressions]. Moscow, Khudozh. lit., 1988, 528 p.
- Astaŭev V. P. *Zryachiy posokh: Kniga prozy* [Sighted staff: A book of prose]. Moscow, Sovremennik, 1988, 590 p.
- Broytman S. N. Istoricheskaya poetika [Historical poetics]. In: *Teoriya literatury: Ucheb. posobie dlya stud. filol. fak. ucheb. zavedeniy: V 2 t.* [Theory of literature: Textbook for students of philological faculties of educational institutions: In 2 vols.]. N. D. Tamarchenko (Ed.). Moscow, Akademiya, 2004, 368 p.
- Dushenko K. V. *Slovar' sovremennykh tsitat* [Dictionary of modern quotations]. Moscow, Agraf, 1997, 632 p.
- Gasparov M. L. “Solominka”: genezis mandel'shtamovskikh “dvoychatok” [“The straw”: the genesis of Mandelstam's “double gloves”]. In: Gasparov M. L. *O russkoy poezii* [About Russian poetry]. St. Petersburg, 2001, pp. 296–315.
- Genette Gerard. *Figury: V 2 t.* [Figures: In 2 vols.] Moscow, Izd. im. Sabashnikovykh, 1998, vol. 2, 469 p.).
- Kushner A. S. *Apollon v snegu: Zametki na polyakh* [Apollo in the snow: Notes in the margins]. Leningrad, Sov. pisatel', 1991, 512 p.
- Lotman Yu. M. O dvukh modelyakh kommunikatsii v sisteme kul'tury [About two models of communication in the cultural system]. In: Lotman Yu. M. *Izbrannye stat'i: V 3 t.* [Selected articles: In 3 vols.]. Tallinn, Aleksandra, 1992, vol. 1, 479 p.
- Pumpyanskiy L. V. Poeziya F. I. Tyutcheva [Poetry of F. I. Tyutchev]. In: *Uraniya. Tyutchevskiy al'manakh. 1803–1928* [Urania. Tyutchev's Almanac. 1803–1928]. Leningrad, Priboy, 1928, pp. 9–57.
- Rudnev V. P. *Slovar' kul'tury 20 veka* [Dictionary of 20th century culture]. Moscow, Agraf, 1997, 384 p.
- Serov V. V. *Entsiklopedicheskiy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy* [Encyclopedic Dictionary of Catchphrases and Phrases]. Moscow, Lokid-Press, 2005. URL: <http://uchitel-slovesnosti.ru/slovari/15.pdf> (accessed 25.09.2024).
- Timenchik R. D. *Chto vdruk. Stat'i o russkoy literature proshlogo veka. Ierusalim: Gesharim* [What suddenly. Articles about Russian literature of the last century. Jerusalem: Gesharim]. Moscow, Mosty kul'tury, 2008. URL: <https://www.e-reading.biz/book.php?book=1085368> (accessed 25.09.2024).
- Vladimirov O. N. Imya poeta v ego stikhotvorenii (na materiale russkoy liriki 20–21 vekov) [The name of the poet in his poem (based on the material of Russian lyrics of the 20th–21st centuries)]. *Philology and Man*. 2009, no. 2, pp. 64–77.

List of sources

- Bagritskiy E. G. *Stikhotvoreniya i poemy* [Verses and poems]. E. P. Lyubareva (Intr. art.), E. P. Lyubareva and S. A. Kovalenko (Comps.), S. A. Kovalenko (Text prep. and notes). Moscow, Leningrad, Sov. pisatel', 1964, 570 p.
- Bunin I. A. *Sobr. soch.: V 9 t.* [Collected works: In 9 vols.]. A. S. Myasnikov, B. S. Ryurikov, A. T. Tvardovsky. Moscow, Khudozh. lit., 1965–1967.
- Galich A. A. *Stikhotvoreniya i poemy* [Verses and poems]. V. Betaki (Intr. art., comp., text prep. and notes.). St. Petersburg, Akademicheskii proekt, Izd. DNK, 2006, 384 p.
- Kibirov T. Yu. “*Kto kuda – a ya v Rossiyu...*” [“Wherever one may go, I go to Russia...”]. Moscow, Vremya, 2001, 512 p.
- Marshak S. Ya. *Sobr. soch.: V 8 t.* [Collected works: In 8 vols.]. Moscow, Khudozh. lit., 1970, vol. 5, 718 p.
- Morits Yu. P. *Ne byvaet naprasnym prekrasnoe* [No beautiful thing is vain]. Moscow, Eksmo, 2006, 352 p.
- Simonov K. M. *Stikhotvoreniya i poemy* [Verses and poems]. Leningrad, Sov. pisatel', 1966, 496 p.
- Slutskiy B. A. *Sobr. soch.: V 3 t.* [Collected works: In 3 vols.]. Yu. Boldyrev (Comp., text prep. and notes). Moscow, Khudozh. lit., 1991, vol. 2: *Stikhotvoreniya [Poems]*, 1961–1972, 574 p.
- Sumarokov A. P. *Izbrannye proizvedeniya* [Poems]. Leningrad, Sov. pisatel', 1957, 607 p.
- Sukharev D. A. *Mnogo chego* [A great deal of things]. Moscow, Vremya, 2008, 432 p.
- Svetlov M. A. *Stikhotvoreniya i poemy* [Verses and poems]. Leningrad, Sov. pisatel', 1982, 624 p.
- Tvardovskiy A. T. *Izbrannye proizvedeniya: V 3 t.* [Selected works]. M. Tvardovskaya (Comp. and text prep.), A. Turkov (Intr. art. and notes). Moscow, Khudozh. lit., 1990, vol. 1: *Stikhotvoreniya* [Poems], 495 p.
- Venevitinov D. V. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow, GIKhL, 1956, 260 p.
- Vysotskiy V. S. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow, Sov. pisatel', 1988, 512 p.
- Yevtushenko E. A. *Stikhi 1913 goda* [Poems of 1913]. *Lit. gazeta*. 2013, no. 51–52, p. 6.

Информация об авторе

Олег Николаевич Владимиров, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета (Новокузнецк, Россия)

Information about the author

Oleg N. Vladimirov, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute, Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 03.10.2024;
одобрена после рецензирования 14.11.2024; принята к публикации 14.11.2024
The article was submitted on 03.10.2024;
approved after reviewing on 14.11.2024; accepted for publication on 14.11.2024*